

УДК 323(5)
ББК 66.2(5)
И26

Составитель *Андрей Кемаль*

ИГИЛ. Зловещая тень Халифата / сост. Андрей Кемаль. —
И26 Москва : Алгоритм, 2015. — 224 с. — (Военный обозреватель).

ISBN 978-5-90689-47-1

На Ближнем Востоке десятилетиями воюют различные вооруженные группировки с труднопроизносимыми названиями. У них есть свои успехи, есть поражения, но их деятельность остается в рамках местных реалий.

Но в прошлом году произошло то, чего боялись многие политики и аналитики. Мир радикального ислама породил явление настолько мощное и страшное, что западная цивилизация содрогнулась.

Организация «Исламское государство» (также известная как ИГИЛ) уже контролирует огромные территории в Сирии и Ираке. Ее отряды воюют в Ливии, Нигерии и Египте. Они обещают принести войну в Среднюю Азию и Афганистан. Им нипочем даже НАТО.

В чем секрет побед ИГИЛ и чем они угрожают России, читателю расскажут лучшие военные умы современности. Впервые на русском языке.

УДК 323(5)
ББК 66.2(5)

ISBN 978-5-90689-47-1

© Андрей Кемаль, 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

От составителя

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В СИРИЮ ГУЛЯТЬ

Две австрийские девочки-подростка сбежали в охваченную войной Сирию, чтобы воевать за «Исламское государство».

Девочки и исламисты друг друга неправильно поняли, поэтому, когда удалось добраться до Сирии, то вместо автомата им выдали по бородатому мужу. Теперь обе беременные, звонят домой, просят забрать. Дома им не рады: австрийское правительство говорит, что таких шуток не понимает и девчонок, даже если им удастся убежать обратно, ждет полноценное судебное разбирательство.

Эта история обсасывалась СМИ долго. И не совсем понятно, что тут правда, а что правительственная пропаганда, ведь на сирийскую войну едут не только девочки-подростки, а и взрослые люди, с боевым опытом, да и едут не только на сторону исламистов. Европе с такими гражданами потом иметь дело не очень интересно, а ну они начнут наводить справедливость привычными методами где-нибудь на улицах Амстердама? Такое Европе ни к чему, отговаривают, как могут.

Едут и едут. Одни едут, другие спрашивают: «Чего вам дома не хватало?».

Так заведено, что замордованный жизнью, восьмичасовым рабочим днем и просроченным кредитом восточноевропейский обыватель думает, что там, на Западе есть все, и бежать из благообразной Вены под пулеметные атаки и отважный прорыв проволочных заграждений могут только сумасшедшие, которым «чего-то не хватает». В действительности им не хватает ровно того же, что и жителям Украины или Сирии. Им не хватает истории.

Тема побега подростков в экзотические страны появилась в мировой литературе в XIX веке. Примеров много, например, Марк Твен, помните, как увлеченно Гек и Том обсуждают идею сбежать на индейскую территорию? Или у Чехова, в рассказе «Мальчики», второклассники пытаются убежать в Америку.

Подростки — это люди, которые только вступают во взрослую жизнь и, еще не став взрослыми по-настоящему, уже понимают, что они никому не нужны, что их влияние на мир ограничено самой структурой современного общества. Они осознают свою внеисторичность, наполовину они еще дети и пытаются изменить очевидную несправедливость самым простым детским способом — убежать.

А что может быть историчнее войны? Если навскидку назвать десять первых пришедших в голову исторических событий — то девять из десяти будут войнами, восстаниями и революциями.

Капитализм — это отчуждение. Он не только отчуждает людей от результатов собственного труда, он отчуждает человечество от истории, хотя именно люди — это и есть ее главный субъект. Но как сейчас в «нормальной, демократичной» стране повлиять на историю, изменить ее? Поставить галочку в бюллетене? Вынести злой плакат на митинг? Власть (а значит и возможность менять мир) дает не

бюллетень и не плакат. Власть дает винтовка. Власть, героизм, победа, перемены, идеальный мир — вот чего хотят люди, которые бросают европейский быт и едут в Сирию. Простой и быстрый способ стать субъектом истории, частью этого великого процесса — взять в руки автомат.

Если в XXI веке случится «последняя революция», то ее задачей будет вернуть людям историю. Не в Сирии, не в джунглях Латинской Америки, не в горах Непала и даже не где-то на востоке Украины. Всюду. История принадлежит человечеству, нужно лишь протянуть руку.

Пока же ее пытаются обратить вспять.

Этот сборник посвящен своему масштабному в новейшей истории эксперименту, по возвращению в Средневековье. Надеюсь, он не удастся.

Часть I

ВОЙНА ХАЛИФАТА

Глава 1

ИГИЛ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: РОЖДЕНИЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Энн Александер

Спустя четыре года после «арабской весны» 2011 года надежды на то, что народные восстания изменили положение в лучшую сторону, практически не осталось. Ливия, Сирия и Ирак представляют собой мрачные вариации на тему «провала государственного строительства» (1). В то же время военная коалиция западных государств под началом США вместе со своими арабскими союзниками снова активизирует свои действия в северном Ираке и Сирии, оправдывая свои интервенции все той же «гуманитарной» риторикой, которой маскировали катастрофическую по своим последствиям оккупацию Ирака после войны 2003 года. В Египте произошло возрождение диктатуры в еще более жестоком и кровавом виде, нежели было в худшие дни правления Хосни Мубарака — подтверждением тому служит убийство более 1 000 сторонников «Братьев-мусульман» за один день 14 августа 2013 года, арест более 40 000 политических оппонентов режима в течение следующе-

го года и создание нового культа личности вокруг фельд-маршала Абделя-Фаттах аль-Сиси. Железная пята репрессий в Бахрейне нисколько не смягчилась после поражения происходившего там в 2011 году восстания.

Однако еще одно событие затмило собой все вышеперечисленное (по крайней мере, так это представляют западные СМИ) — возвышение Исламского Государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), также известного просто как Исламское Государство (ИГ) или Да'аш (арабский акроним). Эта жестокая сектантская джихадистская группа завладела в 2014 году Мосулом, вторым по величине городом в Ираке, выбив оттуда силы иракской армии. Она получила внимание западных медиа посредством хорошо срежиссированных акций показательной жестокости, включая обезглавливание пленных граждан США и Британии, систематические акты насилия по отношению к женщинам, религиозным меньшинствам и мусульманам, принадлежащим к иным течениям. По мере своего продвижения по западному и северному Ираку, бойцы ИГИЛ проводили этнические чистки. Для примера можно привести массовые убийства езидов, заключенных в иракских тюрьмах шиитов и членов племени Албу Нимр (2).

Почему же ИГИЛ обладает такой гипнотической притягательностью? Господствующее мнение сводит деятельность ИГИЛ к специфической «интернет-порнографии насилия» и надеется, что на этом пути оно исчерпает себя и перегорит. Но такая позиция оставляет слишком много вопросов без ответов. Является ли ИГИЛ нео-ваххабистским государством, калькой с эмиратов, построенных предками нынешних Саудитов и их мусульманских союзников? Или, может быть, это банда международных наемников, ведомых болезненно-амбициозным племенным вождем? Поли-

тический и военный «цемент», скрепляющий воедино новую «суннитскую элиту» Ирака? Или же международный союз джихадистов? Отражает ли возвышение ИГИЛ углубление раскола между суннитами и шиитами? Что насчет курдов? И какую роль во всей этой истории играет США, государства Персидского залива и Иран?

Данная статья отражает предварительные усилия по поиску ответов на данные вопросы. Оно сконцентрировано на трех главных задачах: во-первых, обрисовать базовую теоретическую конструкцию для анализа ИГИЛ с марксистской точки зрения, затем более подробно изучить специфический иракский контекст, в котором ИГИЛ впервые пустило корни, и затем проанализировать взаимосвязь между поражением Сирийской Революции и консолидации авторитарной власти Нури аль-Малики в Ираке после 2008 года. Фокусирование на Ираке вызвано тем, что ключевую роль именно в этой стране имеет лидерство ИГИЛ. Абу-Бакр аль-Багдади, который возглавляет группу с 2010 года, считается выходцем из Самарры, которая была очагом сектантской гражданской войны в 2006–2007 годах. Некоторое время он содержался под арестом в американской тюрьме Камп Букка в северном Ираке, и вышел на свободу только в 2009 году (3).

Наконец, статья помещает ИГИЛ в контекст кризиса исламистского реформистского движения на момент революционных движений 2011 года. Общий и конкретный анализ непосредственно связаны между собой. Катастрофа, которая поглотила Ирак — следствие сочетания глобальных и региональных процессов, и она же выводит эти процессы на качественно новый уровень. Ослабление гегемонии США, вызванное военным поражением в Ираке, стало началом относительного укрепления позиций региональ-

ных сил, таких как Саудовская Аравия и Иран, и запустило фрактальный процесс зарождения и консолидации новых национальных автономий, например курдской (4). Последует ли само ИГИЛ по тому же пути? Его лидеры бьются об заклад, что они могут основать не просто очередное новое государство, но совершенно новый тип государственности, первый оплот всемирного халифата. Эта позиция вызывает много вопросов, равно как и множество вопросов возникает к стратегии, выбранной США и их союзниками для того, чтобы «решить проблему ИГИЛ» посредством бомбардировок. Только возрождение социальной и политической борьбы, которая объединит бедных и угнетенных всех вероисповеданий, языков и культур, может стать действенной альтернативой и для ИГИЛ, и для западного империализма.

Неолиберализм, сектантство и империализм

Сорокалетний процесс насаждения правящими классами неолиберализма в регионе — важная точка отсчёта, которую надо иметь в виду для плодотворного обсуждения остальных социально-политических явлений. Хотя в одной статье невозможно подробно описать весь процесс развития неолиберализма на Ближнем Востоке, три основных пункта имеют особую важность для представленного тут анализа (5). Во-первых, неолиберализм не привел к устранению государства из экономики.

Напротив, как замечает Самех Нагуиб, адаптация неолиберальной политики породила «даже более тесные взаимоотношения между государством и капиталом» (6). Прибыльные производства и службы, принадлежавшие государству, были подвергнуты приватизации, в то время как другие были упразднены, но этот процесс породил новую амальгаму государственного и частного капитала, где

«приватизация» зачастую означала продажу общественной собственности сыновьям и дочерям чиновников из правящей партии (7).

Были проведены значительные реформы в сферах социальной защиты и общественных служб — неолиберальная политика переложила большую часть их стоимости на бедные слои населения, переориентировав их на получение прибыли. Те, кто был не в состоянии платить бизнесу за здравоохранение и образование, переходили поневоле в руки других «частных предпринимателей» — религиозных функционеров и благотворителей. Историческая ирония заключалась в том, что главными бенефициарами этого процесса зачастую являлись исламистские оппозиционные движения, которые комбинировали благотворительную деятельность, направленную на помощь беднякам и низшей части среднего класса, и призывы к увеличению богобоязненности в каждом человеке и к культурному сопротивлению «секулярному государству» (8).

В то время как многие склоняются к тому, чтобы в долгосрочном изменении социальных условий видеть смягчение перехода к новому экономическому и политическому строю, в реальности процесс возрастания неравенства только ускорялся вместе с развитием региона. Неравенство возрастало вместе с развитием экономики и на национальном уровне (9), и на региональном. Также усилились трения, вызванные наложением различных фаз капиталистического развития (10). Чтобы не затягивать, мы просто подчеркнем два специфических направления углубления неравенства, которые оказались особенно важными.

Во-первых, это трения между неравномерным развитием национальных экономик, когда некоторые области и сектора стремительно интегрировались в мировые рын-

ки и привлекали большие инвестиционные потоки, нежели остальные. Самое бурное развитие Сирийская революция 2011-го получила в самых обедневших провинциях и городских пригородах, которые стали домом для сотен тысяч покинувших сирийские деревни, вследствие разрушения сельского хозяйства — это служит прекрасным примером описываемого нами феномена (11). Три беднейших региона страны, Дейр Эззор, Хассака и Ракка (12), также послужили оплотом сил ИГИЛ в Сирии.

Вторым в равной степени важным примером является рост удельного веса капиталов родом из Персидского залива на финансовом рынке Ближнего Востока и всего мира. Как показал Адам Ханья, во всем регионе все большую роль стали играть конгломераты, объединяющие производственный, торговый и финансовый капитал: они инвестировали в производства и сервисы, и широко применяли взятки, интриги и шантаж для того, чтобы обеспечить себе выход на новые рынки в русле неолиберальной политики (13).

Расслоение сделало государства Персидского залива более мощными региональными игроками, чем они были когда-либо прежде. Они уже были в состоянии противостоять последствиям революций в Сирии и Египте — с одной стороны, поддерживая любые военизированные контрреволюционные силы, с другой — устанавливая гегемонию выгодных им исламистских вооруженных группировок.

Волна неолиберализма не то чтобы начисто смыла политические и социальные отношения предыдущих стадий развития капитализма — она, скорее, наложилась на них в новую и нестабильную эмульсию. Спустя 11 лет после вторжения США, Всемирный Банк констатировал в своем «Резюме по инвестиционному климату Ирака», что иракская экономика в общем и целом все еще находилась под

государственным контролем: «частный сектор до сих пор играет очень малую роль даже там, где он присутствует, и предпосылок для его усиления не имеется» (14). Это не значит, что проводившаяся неолиберальная политика не возымела действия — наоборот, она глубоко перекроила иракскую политическую и социальную систему. Этот процесс сначала протекал внутри государственного аппарата за фасадом Баасизма, и был порожден санкциями 90-х. Затем разрушенный государственный аппарат был частично разрушен и воссоздан уже в виде власти сектантских партий и вооруженных ополчений после 2003 года.

Второй отправной точкой нашего анализа является марксистский подход к рассмотрению вопроса о генезисе и развитии идей и идеологий. Рассматриваем ли мы религиозные верования в целом, конкретную сектантскую идеологию или политическую перспективу отдельного исламистского движения, марксистский анализ всегда помогает преодолеть отвлеченность теоретического рассмотрения и убеждение о том, что идеи существуют «сами по себе», без привязки к конкретным социальным и экономическим реалиям. В случае Ближнего Востока, множество мейнстримных аналитиков идут даже еще дальше — они утверждают, что как раз религиозные воззрения проживающего здесь населения порождают реальность, так что процессы, протекающие в регионе, можно понять только через призму «древней ненависти» (15). Нет ничего удивительного в том, что идеи, которые несут бойцы ИГИЛ, часто описываются с помощью метафор, позаимствованных из биологии и эпидемиологии. Алистер Крук, в своей популярной статье, именовал ИГИЛ «мутацией ваххабистского гена», или, другими словами, переносом идеологии, разработанной мусульманским религиозным деятелем 18 века

Мухаммедом ибн Абд-аль-Вахаббом и его последователями, на современные исламистские течения, лояльные династии Саудитов (16).

Проблема данных подходов не в том, что они всегда приводят к неверным выводам — скажем, Крук совершенно прав в том, что насажденный официальной политикой саудитов ваххабизм породил группировки, которые впоследствии стали представлять угрозу самому саудитскому режиму. Проблема в том, что принимая движущей силой истории идеи, а не социальные взаимоотношения, эти исследователи лишь наводят тень на реальные процессы социальной эволюции.

Как поясняет Крис Харман, «люди не могут действовать независимо от объективных обстоятельств. Но это не значит, что действия людей можно целиком свести к обстоятельствам. Люди постоянно участвуют в борьбе с обстоятельствами, и тем самым изменяют и их, и себя» (17).

Современная история Ирака на самом деле радикально отличается от примитивной картинки, транслируемой СМИ. Религиозные, языковые, этнические и племенные сообщества не являются, и не являлись никогда, простой мозаикой, состоящей из неделимых кусочков. В Ираке, например, браки между суннитами и шиитами были вполне широко распространенными в течение середины 20 века. Разделение на суннитов и шиитов пересекается с языковым разделением между курдами, арабами и турками, в то же время существуют племенные союзы, куда входят наравне и сунниты, и шииты (18). Более того, все эти сообщества четко разделены на социальные классы — ленд-лорды, бизнесмены и государственные чиновники высшего звена, которые пытаются строить из себя глас народных чаяний, имеют интересы, которые, разумеется, в корне отличаются от интересов большинства.

Эти горизонтальные социальные разломы, особенно те, что обусловлены общественными отношениями производства, дают более адекватную картину иракского общества, нежели вертикальное разделение, основанное на религиозной и племенной принадлежности. В то же время надо иметь в виду, что двадцать лет войн, санкций и оккупации создали совершенно новый материальный базис для сектантского самосознания.

Священнослужители, которые могут усилить посыл своих проповедей, давая прихожанам доступ к электрогенератору мечети, или племенные вожди, чьи связи с государственными чиновниками предоставляют им возможность захватывать лучшие рабочие места и поддерживать своих сторонников — вот пример социальных отношений, которые помогали удерживать вместе разные социальные классы, несмотря на противоречие их «объективных» интересов. Сила и слабость этих отношений не может быть измерена в отдельности от других видов социальных отношений. В обществе, расколотом гражданской войной, где миллионы вынуждены были покинуть свои дома, должность бойца в окружении племенного лидера или в сектантском ополчении может означать разницу между жизнью и смертью, как для отдельных людей, так и для их семей. В таких условиях у рабочих остается немного возможностей испытывать чувства классовой солидарности на практике.

Таким образом, отправной точкой для понимания сути исламистских движений не могут быть только идеи, которые они высказывают. Важен скорее их социальный посыл — другими словами, отношения между членами и лидерами движений и классовая структура общества. Массовые исламистские движения, такие как «Братья-мусульмане», обычно отмечены поразительными социальны-

ми противоречиями в своих структурах, и интересы их руководства обычно идут вразрез с тем, что вдохновляет их членов — выходцев из рабочего класса, городской бедноты и низших слоев среднего класса (19).

ИГИЛ является — и всегда являлся — очень специфическим движением. Это элитаристская военизированная организация, которая, как мы это подробнее рассмотрим впоследствии, выросла из соперничества между вооруженными сектантскими группами в Ираке во время американской оккупации.

Это вовсе не значит, что ИГИЛ не в состоянии получать выгоду от противоречивых идей, которые вдохновляют людей из различных социальных классов к политическим и социальным переменам, и одновременно громить или маргинализировать другие силы, которые обещают исполнить те же мечты. Например, ИГИЛ набрало немалый политический капитал на том, что предоставляла другим иракским суннитам защиту от систематического притеснения, которому тех подвергали шиитские исламистские партии, находившиеся во главе иракского государства. Тем не менее, целиком и полностью сектантская повестка ИГИЛ в сочетании с его военизированной структурой и отверганием любой программы политических и социальных изменений, осуществление которых подвластно народу уже сейчас, означает невозможность для революционных социалистов рассматривать это движение в ряду таких, как Хамас, Хизболла и другие исламистские силы (20). В отличие от этих сил, которые в свое время представляли кривую, но все-таки дорогу для выражения социальных и политических народных чаяний, ИГИЛ предоставляет только дорогу в бездну.

Третьей опорной точкой нашей конструкции является марксистский анализ империализма в его специфических

проявлениях, характерных для данного региона, и в особенности катастрофическое влияние американской интервенции в Ирак. Как полагает Алекс Каллиникос (и отстаивает это в своем журнале и не только), провал этой тщеславной затеи имел глубокие последствия, как на региональном, так и на глобальном уровне (21). Как было отмечено ранее, надрыв американского империализма в Ираке, в сочетании с последствиями неолиберальных реформ на региональном уровне, породили фрактальный процесс «изнашивания периферий» сразу по нескольким направлениям. Относительное ослабление американской гегемонии дало региональным силам большее пространство для маневра друг относительно друга, равно как и создало пространство, в котором могли появиться новые непредсказуемые игроки наподобие ИГИЛ.

Но дальнейшие империалистические интервенции с целью «исправления» проблем, порожденных предыдущими интервенциями — будь то авианалеты или вторжения сухопутных сил — лишь укрепят позиции ИГИЛ как защитников населения, находящегося под их властью, либо создадут предпосылки для появления идеологических преемников ИГИЛ. Хотя мы не можем в рамках данной статьи предоставить исчерпывающее толкование взаимозависимости между империалистической политикой на Ближнем Востоке и ростом расизма и исламофобии в США и Европе, но подтверждением существования этой взаимосвязи является тот факт, что такое клеймо социального отчуждения привело многих иностранцев под знамена ИГИЛ.

Последняя ключевая точка, на которой базируется наш анализ, это понимание роли человеческого фактора в предопределении результатов безличностных и долговременных процессов. В каком-то смысле, это задача по со-